

Глава 32. Выжидая зайца у пня

Дождь, ливший целый день, наконец прекратился к вечеру. Солнце пробилось сквозь облака, окрасив мир в золотые тона. В воздухе витал аромат влажной земли, и всё вокруг, словно умытое, блестело чистотой.

Именно в это время очнулась Чжоу Цзиньцин.

Семья собралась у её постели. Открыв глаза, она увидела их обеспокоенные лица.

Чжоу Цзиньцин уже сбилась со счёта, в который раз с ней случалось подобное. С тех пор как её тело начало стремительно стареть, она каждые несколько дней внезапно слабела и впадала в забытье.

Она была без сознания, но всё же чувствовала, как что-то покидает её тело. Она пыталась удержать это, но оно ускользало, как песок сквозь пальцы — чем крепче сжимаешь, тем быстрее сыпется. Она могла лишь наблюдать, как стареет день ото дня, приближаясь к смерти.

Чжоу Цзиньцин знала, сколько сил семья потратила на её лечение, скольких мастеров они приглашали. Поначалу она, как и все, была полна надежд, но каждый раз их сменяло лишь глубокое отчаяние.

Вчера она почувствовала себя плохо, но на этот раз решила не бороться. Возможно, смерть станет для неё освобождением. Ей больше не придётся видеть своё дряхлое, уродливое отражение.

Но в душе всё же оставались сожаление и нежелание уходить.

Чжоу Цзиньцин думала, что на этот раз она уснёт и больше не проснётся. Она никак не ожидала, что снова откроет глаза.

Глаза родителей были красными и опухшими — очевидно, они плакали. Сейчас они изо всех сил сдерживали горе, с тревогой глядя на неё. Увидев, что она очнулась, их глаза заблестели.

Чжоу Цзиньцин повернула голову и увидела дедушку, Чжоу Хэяня, сидящего неподалёку с тростью. Он вроде бы улыбался, но она знала, что дедушка переживает больше всех.

Всем премудростям медицины она научилась у него. Среди внуков дедушка любил её больше всех. Но она, неблагодарная, заставляла его пережить боль потери, когда седовласый старик хоронит свою черноволосую внучку.

Чжоу Цзиньцин закрыла глаза. Она хотела заговорить, но даже такое простое действие, как

открыть рот, давалось ей с невероятным трудом. Из горла вырывалось лишь хриплое дыхание.

Мать тут же наклонилась к ней и стала гладить по спине.

— Цзин-цин, я знаю, что ты хочешь сказать. Ты только что очнулась, отдыхай. Поговорим потом.

Отец, сдерживая слёзы, смотрел на потолочную лампу, словно только так мог не расплакаться.

Трость Чжоу Хэяня, казалось, шевельнулась, но в итоге он ничего не сказал.

Чжоу Цзиньцин знала, что мать утешает её. Она сама чувствовала своё состояние. Даже если её с трудом спасли, что с того? Силы были на исходе, и она вряд ли доживёт до утра.

Да, перед лицом смерти она испытывала сожаление и нежелание уходить, но больше всего — облегчение. Только умерев, она сможет в ином обличье встретиться с Чжэн Ханом и быть с ним вечно.

При этой мысли Чжоу Цзиньцин перестала бояться смерти. Она с трудом обвела взглядом комнату, но не увидела Чжэн Хана.

Куда он ушёл?

Никто пока не мог ответить на этот вопрос. Но тут у двери раздался ясный голос, который словно прочитал её мысли.

— Ты уверена, что хочешь вот так сдаться? Какой ты была при жизни, такой и станешь призраком. Твой любимый навсегда останется двадцатилетним, а ты предстанешь перед ним девяностолетней старухой. Ты действительно сможешь это принять?

Чжоу Цзиньцин повернулась на голос. В дверях она смутно разглядела чей-то силуэт. Человек был высоким, около метра восьмидесяти. Он лениво прислонился к дверному косяку и, договорив, зевнул.

Постарела, и зрение подводит. Чжоу Цзиньцин не смогла разглядеть его лица, но почему-то оно показалось ей знакомым.

Когда человек подошёл ближе, она постепенно разглядела его черты, и чувство узнавания усилилось.

В её мутных глазах промелькнуло удивление. Она открыла рот, но из него вырвался лишь хрип,

похожий на звук прохуdivшихся мехов.

Ся Гухань подошёл к кровати и, глядя на Чжоу Цзиньцин сверху вниз, лениво повторил свой вопрос:

— ...Ты действительно сможешь это принять?

В человеческой природе заложено стремление к красоте. Чжоу Цзиньцин не была исключением. Иначе в этой вилле не было бы ни её молодых фотографий, ни зеркал. Она не могла смириться со своим постаревшим видом и уж точно не смогла бы смириться с тем, чтобы предстать перед Чжэн Ханом старухой.

И действительно, услышав вопрос Ся Гуханя, в её мутных глазах внезапно вспыхнуло яростное желание жить.

Да, как она могла так умереть? Такой старой, такой уродливой. Она сама себя не принимала. А Чжэн Хан? Сможет ли он?

Ся Гухань решил, что огня недостаточно, и подлил масла.

— Ты действительно хочешь умереть? Позволить другой женщине отнять у тебя родных, тратить твои деньги, бить твоего ребёнка, спать с твоим мужем...

Тут Ся Гухань кашлянул.

— Ой, нет. Твой муж мёртв, с ним она спать не сможет.

— Невозможно! — в этот момент Чжоу Цзиньцин, которая до этого не могла говорить, на одном дыхании выкрикнула эти слова. В её мутных глазах будто зажёгся огонь, готовый вырваться наружу. Ся Гухань окончательно пробудил в ней жажду жизни.

Если то, что сказал Ся Гухань, правда, она, Чжоу Цзиньцин, даже из гроба вылезет, чтобы лично разорвать эту дрянь на куски!

Ся Гухань улыбнулся.

— Раз не хочешь умирать, тогда сотрудничай со мной.

Чжоу Цзиньцин хотела было кивнуть, но тут до неё дошёл смысл последних слов Ся Гуханя — бить твоего ребёнка?

Она резко села на кровати, опираясь на руки, и, разделяя слова, спросила:

— Мой ребёнок... он не умер? Он жив, да?

Чжоу Цзиньцин впиалась взглядом в Ся Гуханя, в её мутных глазах бушевали эмоции.

Наннан не умерла? Наннан жива?

— Хочешь её увидеть — сотрудничай со мной, — повторил Ся Гухань.

— Хорошо! — без колебаний согласилась Чжоу Цзиньцин.

Она посмотрела на Ся Гуханя. Впервые она по-настоящему разглядела этого молодого человека. У него были невероятно красивые глаза цвета персика, но выражение лица было крайне ленивым, словно любые трудности для него — не более чем пустяк, который можно решить играючи.

Именно эта леность вселила в Чжоу Цзиньцин уверенность. Она хрипло произнесла:

— Вы должны позволить мне увидеть Наннан.

Ся Гухань не ответил. Он положил руку ей на лоб.

— Не сопротивляйся моей силе.

В тот момент, когда его ладонь коснулась её, Чжоу Цзиньцин почувствовала, как ледяной поток проникает сквозь кожу в её тело. Она инстинктивно хотела воспротивиться.

В следующую секунду она услышала голос Ся Гуханя — ясный и холодный. Он проник прямо в её сознание, заставив расслабиться и принять вторжение этой силы.

Чжоу Цзиньцин чувствовала, как эта сила вошла в её кровеносные сосуды и, смешавшись с кровью, устремилась к сердцу, унося с собой что-то.

Что она уносила?

Она не знала. Она чувствовала лишь боль.

Особенно когда сила достигла сердца, боль стала похожа на уколы тысяч игл, как яд, проникший в кости, медленно и мучительно пожирающий её сознание.

Кажется, она умирает.

Нет! Она не может умереть!

Она такая старая и уродливая. Она ещё не видела Наннан. Как она может так умереть!

С этой мыслью боль в сердце показалась ей незначительной. Нужно лишь стиснуть зубы и перетерпеть.

Но Чжоу Цзиньцин не знала, что её жажда жизни превратилась в тонкую золотистую плёнку, окутавшую её сердце. Сила Ся Гуханя, смешанная с остатками её жизненной силы, устремилась в эту защитную оболочку и была надёжно запечатана в ней.

Ся Гухань убрал руку.

Чжоу Цзиньцин откинулась на подушки. Её лицо было спокойным, дыхание отсутствовало. Она выглядела так, словно умерла.

Мать в панике потеряла дар речи и беспомощно посмотрела на Ся Гуханя, отказываясь верить в случившееся. Отец сжал кулаки, изо всех сил заставляя себя верить, что с дочерью всё будет в порядке. Трость выпала из рук Чжоу Хэяня, но он забыл её поднять, так же выжидающе глядя на Ся Гуханя.

— Успокойтесь, я лишь ввёл её в состояние ложной смерти, — успокоил их Ся Гухань. — Только когда она «умрёт», вор сам себя проявит.

Именно поэтому Ся Гухань с самого начала пытался пробудить в Чжоу Цзиньцин жажду жизни. Только сильное желание жить могло эффективно защитить её, по-настоящему запечатав остатки её жизненных сил в сердце.

Родители с облегчением вздохнули и, глядя на дочь, заплакали.

Лишь Чжоу Хэянь заметил другую деталь.

— Мастер, что вы имели в виду, говоря о дочери Цзиньцин?

Ся Гухань покачал головой, не раскрывая подробностей.

— Когда госпожа Чжоу очнётся, пусть сама вам всё расскажет.

— Хорошо, — не стал настаивать Чжоу Хэянь. — Что нам делать дальше?

— Возвращайтесь домой и забудьте о болезни госпожи Чжоу. И что бы вы ни увидели, не удивляйтесь.

Хотя Чжоу Хэянь и родители не знали, что задумал Ся Гухань, сейчас им оставалось только следовать его указаниям. Они верили, что только так смогут спасти свою дочь и никогда не виданную внучку/правнучку.

Ся Гухань вышел из палаты, потянулся, его веки отяжелели.

Временная блокировка жизненных сил, погружение человека в состояние ложной смерти — это запретная техника, требующая огромной концентрации. Он чувствовал себя уставшим и опустошённым, ему хотелось хорошенько выспаться.

Но добыча могла попасть в ловушку в любой момент, и времени на сон не было.

Он повернулся к Гу Цзиньяню, который всё это время молча стоял рядом, и внезапно прижал его к стене, устроив ему настоящий «кабэдон».

— Старый призрак, дай подзарядиться.

Не дожидаясь реакции, Ся Гухань поднял голову и прильнул к его губам.

Гу Цзиньянь на мгновение замер, а затем, обхватив его затылок, взял инициативу на себя, позволяя Ся Гуханю зарядиться вволю.

Чёрный седан мчался по скоростному шоссе. Чжоу Цзиньюй сосредоточенно смотрел на дорогу, крепко сжимая руль, стараясь как можно быстрее добраться до города Учжоу.

Час назад Ся Гухань дал ему задание: поехать на гору Цюньсян, 26.

Ся Гухань сказал, что чем быстрее, тем лучше.

Поэтому Чжоу Цзиньюй сейчас чувствовал, как внутри всё горит, ему хотелось одним нажатием на педаль газа оказаться в Учжоу и выполнить задание.

Но в то же время его терзали сомнения. Ся Гухань не сказал, что ему нужно делать, лишь обронил, что на месте он всё поймёт.

Машина летела по шоссе, прибыв в Учжоу на двадцать минут раньше обычного. Съехав с

трассы, Чжоу Цзинъюй, не заезжая поужинать, сразу направился к горе Цюньсян.

Гора Цюньсян, 26.

Шу Юйжу, схватив девочку, втащила её в комнату. Её лицо было искажено безумием, а в глазах горел дикий восторг.

Она швырнула девочку на кровать и крепко связала верёвкой. Затем, взяв скальпель, она легонько похлопала им по щеке девочки, оставляя красный след. Встретившись с испуганным взглядом девочки, она почувствовала злорадство, словно другая женщина с такими же глазами тоже была доведена ею до отчаяния.

Взгляд Шу Юйжу внезапно стал жестоким. Она взмахнула скальпелем и полоснула по запястью девочки.

На этот раз она не стала пить кровь, а лишь пристально смотрела на рану. Рана, которая обычно заживала почти мгновенно, на этот раз продолжала кровоточить, не подавая никаких признаков заживления.

Это означало, что у девочки больше не было жизненной силы для восполнения.

Чжоу Цзиньцин умерла.

Шу Юйжу разразилась безумным смехом. Держа в руке окровавленный скальпель, она закружилась в танце по комнате.

Пронзительный смех заполнил спальню, от него по коже бежали мурашки.

— Чжоу Цзиньцин, ах, Чжоу Цзиньцин, ты наконец-то сдохла! — Шу Юйжу бросилась к туалетному столику и, глядя на своё молодое, красивое отражение в зеркале, почувствовала одновременно зависть и ненависть. Она провела острым лезвием по щеке, оставляя кровавый след.

В следующую секунду она вспомнила, что это лицо теперь принадлежит ей, отбросила скальпель и с болезненной нежностью коснулась своей щеки.

— Ха-ха-ха, моё, моё, всё моё!

Шу Юйжу больше не могла ждать ни секунды. Она приняла душ, надела самое красивое

платье, напевая, нанесла макияж. Посмотрев на своё отражение, она скривила губы, потом широко улыбнулась.

В зеркале была Шу Юйжу, и в то же время не она.

Только после этого Шу Юйжу надела туфли на высоком каблуке и вышла из дома.

Ей было совершенно всё равно, жива или мертва девочка на кровати.

Её цель была достигнута, и девочка ей больше не нужна. Жива она или мертва — какая разница?

Едва Шу Юйжу покинула комнату, как в окно впрыгнула чёрная тень. Она быстро подбежала к кровати и принялась яростно скрести передними лапами по верёвкам, связывающим девочку, пытаясь таким образом освободить её.

Но это была всего лишь кошка. Какой бы разумной она ни была, её сил не хватало. После долгих усилий ей удалось лишь немного распушить верёвку, но та по-прежнему была цела. Это было всё равно что пытаться вычерпать море ложкой.

Запястье девочки всё ещё кровоточило. Хотя она и была призрачным плодом, потеря большого количества крови была для неё опасна.

— Мяу-мяу, — голос девочки был очень слабым. — Не обращай на меня внимания. Я в порядке.

— Мяу-у, — чёрная кошка подбежала к девочке, ткнулась в неё пушистой головой и лизнула, словно пытаясь таким образом удержать её, не дать ей уйти из этого мира.

Девочка хихикнула от щекотки. В её голосе не было и тени страха смерти. Или, может, она давно хотела покинуть этот мир.

Она очень давно жила в этой вилле. Шу Юйжу держала её здесь взаперти, сделав своим источником крови. Каждый день она резала её запястье и пила её кровь.

Поначалу девочка была очень одинока. Кроме Шу Юйжу, здесь никого не было. А Шу Юйжу вспоминала о ней, только когда хотела пить её кровь. В остальное время она бросала её в вилле на произвол судьбы.

Потом девочка встретила чёрную кошку, забравшуюся в виллу. Кошка стала её другом, и она назвала её Мяу-мяу.

Когда Шу Юйжу не было дома, кошка приходила поиграть с ней. И в жизни девочки наконец-то появился лучик света.

— Мяу-мяу, — девочка потёрлась щекой о кошку, прижавшуюся к ней. — На самом деле, мне немного жаль тебя оставлять.

— Совсем чуть-чуть.

— Мяу-у, — ответила кошка.

— И мне немного жаль того красивого старшего брата. Он такой красивый.

— Мяу-мяу.

Девочка тихонько засмеялась и успокаивающе сказала:

— Конечно, больше всего мне жаль Мяу-мяу.

— Мяу-мяу — мой лучший друг.

Говоря это, девочка постепенно закрыла глаза.

— Мяу-мяу, я так устала. Хочу спать.

Голос кошки внезапно стал громким, пронзительным и отчаянным.

— Мяу-мяу, будь умницей.

— Не мешай мне спать.

— Когда я усну, найди красивого старшего брата.

— Он хороший, он, наверное, согласится тебя взять.

— Мя-а-а-у-у!

В то же время машина Чжоу Цзиньюя уже поднималась по серпантину горы Цюньсян.

Подъезжая к дому № 26, он увидел едущую навстречу белую машину.

Окно со стороны водителя было опущено. Когда машины поравнялись, Чжоу Цзиньюй отчётливо увидел лицо водителя.

Сестра!

И лицо, и манеры женщины были точь-в-точь как у Чжоу Цзиньцин!

Чжоу Цзиньюй хотел было развернуться и поехать за ней, чтобы выяснить, в чём дело, но руль внезапно заблокировала таинственная сила.

— Продолжай ехать вперёд.

В машине, где, казалось, был только Чжоу Цзиньюй, внезапно раздался чей-то голос.

Чжоу Цзиньюй: !!!

Что происходит?

Кожу Чжоу Цзиньюя покрыли мурашки, ладони вспотели. Он напряжённо повернул голову в сторону, откуда донёсся голос, и увидел, как на водительском сиденье медленно проступает чей-то силуэт.

— Зять?

Глаза Чжоу Цзиньюя расширились от изумления.

Ся Гухань послал его сюда. Значит, Ся Гухань знал, что Чжэн Хан последует за ним. Или, вернее, Чжэн Хан, как и он, следовал указаниям Ся Гуханя.

Значит, нужно просто плыть по течению.

Сказав себе это, Чжоу Цзиньюй быстро успокоился и, следуя словам Чжэн Хана, подавил все вопросы и продолжил ехать к дому № 26 на горе Цюньсян.

Через несколько минут машина остановилась у виллы № 26.

Хозяйка дома, видимо, торопилась и не заперла дверь. Чжоу Цзиньюй собирался было позвонить, но краем глаза заметил, как Чжэн Хан вошёл в виллу. Он двигался быстро, словно

что-то влекло его.

— Зять!

Чжоу Цзиньюй позвал его, но Чжэн Хан, не оборачиваясь, шёл вглубь дома. Оглядевшись по сторонам, Чжоу Цзиньюй последовал за ним.

Ещё не дойдя до виллы, он услышал отчаянный кошачий крик.

Затем он увидел, как Чжэн Хан быстро проскользнул в виллу, направляясь, по-видимому, в ту сторону, откуда доносился крик.

Чжоу Цзиньюй тут же побежал за ним.

Кошачий крик доносился из комнаты на втором этаже в северо-западном углу. Едва поднявшись по лестнице, Чжоу Цзиньюй почувствовал густой запах крови. Его сердце сжалось, и он ускорил шаг.

Чжоу Цзиньюй вбежал в комнату. Перед его глазами предстала картина, залитая алым цветом. От обилия красного у него закружилась голова.

Когда он пришёл в себя, то увидел, как Чжэн Хан поднимает с кровати маленькую девочку. Чёрная кошка у его ног отчаянно мяукала и, подпрыгивая, пыталась его оцарапать.

На девочке было красное платье. Было непонятно, то ли оно изначально было красным, то ли пропиталось кровью.

Разглядев лицо девочки, Чжоу Цзиньюй замер.

Он никогда раньше не видел её, но с первого взгляда почувствовал к ней необъяснимую близость.

Он знал, что это чувство исходит от кровного родства.

Никто не должен был говорить ему. Он знал, что эта девочка — дочь его сестры и Чжэн Хана.

Чжоу Цзиньюй хотел подойти поближе, чтобы посмотреть на девочку, но, увидев состояние Чжэн Хана, остановился.

В его сердце было множество вопросов, но сейчас ему оставалось лишь подавить их и дожидаться возвращения, чтобы всё выяснить.

— Наннан, — Чжэн Хан обнимал потерявшую сознание девочку, его тело неудержимо дрожало. Он только сегодня узнал, что у него есть дочь. Он спешил сюда, но всё равно не успел, позволив дочери так сильно пострадать. — Папа пришёл спасти тебя.

Кровью девочки Чжэн Хан начертал на её лбу сложный узор. В тот момент, когда узор был закончен, лоб девочки вспыхнул ярким светом. Чжэн Хан наклонился и прижался своим лбом к её, и мощный поток энергии инь вырвался из его тела, создав небольшой вихрь, который втянул окружающую энергию инь в тело девочки.

Чёрная кошка, казалось, поняла, что этот внезапно появившийся мужчина пытается спасти девочку, и перестала выть. Она беспокойно крутилась у его ног.

Этот процесс длился неизвестно сколько. Девочка в его руках застонала и медленно открыла глаза.

— Наннан!

Увидев, что дочь очнулась, Чжэн Хан чуть не заплакал от радости. Он крепко обнял её, снова и снова повторяя её имя.

Словно почувствовав что-то, девочка, немного помедлив, открыла рот и тихо позвала:

— ...Папа.

— Да, это папа. Папа пришёл забрать тебя домой.

Девочка удивлённо спросила:

— У меня тоже есть дом?

Чжэн Хан поцеловал её в макушку.

— Да, у нашей Наннан есть дом. Мама ждёт Наннан дома.

— Мама? — сначала на лице девочки отразилось недоумение, а затем её глаза засияли. — Моя мама жива?

Она всегда знала, что Шу Юйжу — не её мама, но не знала, где её настоящая мама.

— Мама жива. Когда мы вернёмся домой, ты её увидишь.

— Хорошо, тогда поехали домой к маме, — девочка улыбнулась. — Мама, наверное, очень красивая?

Чжэн Хан нежно сказал дочери:

— Мама очень красивая, такая же красивая, как Наннан.

Девочка удовлетворённо прижалась к груди Чжэн Хана. Как хорошо, у неё тоже есть папа и мама, и есть дом.

— Папа, — тихо позвала девочка, прижавшись к нему. — А можно взять с собой Мяу-мяу?

Видя её такой, Чжэн Хан почувствовал, как его сердце сжимается от нежности. Он без колебаний кивнул.

— Можно. Всё, что захочет Наннан, папа и мама ей дадут.

Девочка, уткнувшись в грудь отца, счастливо улыбнулась.

— Мне нужны только папа, мама и Мяу-мяу.

— Хорошо, — Чжэн Хан нежно погладил её по затылку и, взяв на руки, вышел из комнаты.

Чёрная кошка, казалось, на мгновение задумалась, но в следующую секунду её подхватили на руки.

— Мяу! — она испуганно вздрогнула и засучила лапами.

Чжоу Цзиньюй, не обращая внимания на то, что кошка оставляет на его дорогой рубашке кровавые следы, похожие на цветы сливы, взял её на руки и последовал за Чжэн Ханом.

— Маленькая Мяу-мяу, я забираю тебя домой.

Кошка несколько раз мяукнула, а затем, успокоившись, улеглась у него на руках, позволив унести себя.